ция святых, установившая единый реестр их на всей территории Московского государства, упомянутый Стоглав, Судебник, испомещение дворян для несения военной службы и, наконец, опричнина, книгопечатание способствовало укреплению централизованной государственной власти.

Это значение книгопечатания, несомненно, понимали феодальные верхи, настроенные остро враждебно к политике Грозного. Наибольшее озлобление у них вызвала, конечно, опричнина. Сказавшись больным, 16 мая 1566 г. оставил митрополичий престол и ушел в монастырь Афанасий, еще до опричнины, в 1564 г., вместе с приверженцами старины заявивший Грозному о необходимости «образумиться».[61] Вызванный на его место игумен Соловецкого монастыря Филипп Колычев прямо поставил условием своего согласия отмену опричнины. Вопрос был улажен компромиссным решением, и 25 июня Филипп стал московским митрополитом. В это же время происходил Земский собор. Часть участников его уже после собора обратилась к Грозному с просьбой прекратить насилия опричников. На эту просьбу Грозный ответил тяжелыми репрессиями. Это выступление было последним открытым протестом. «Наступила пора тайного заговора», — говорит исследователь.[62]

Из поля зрения противников Грозного не выпало и книгопечатание, об устройстве которого он так старался. Оно, как и ряд других его мероприятий, направленных на установление единообразия в различных областях общественной жизни, уже за короткий сравнительно срок своего существования дало положительные результаты. Своего восхищения перед ними не мог скрыть и немец-опричник Генрих Штаден. «По всей Русской земле, по всей его державе — одна вера, один вес, одна мера!», — писал он.[63] Не знать этого не могли, конечно, и противники Грозного.

Новые тексты федоровских книг столь далеки от привычных, что многие приверженцы старины и независимо от своего отношения к политике Грозного не принимали их. Это видно из того, как медленно прокладывают они себе путь в рукописную книгу, которая изготовлялась либо на заказ, либо гораздо чаще на рынок,[64] а значит при изготовлении ее прежде всего учитывались требования спроса. Хотя значение книгопечатания для феодальной оппозиции, его удельный вес, неизмеримо меньше, чем значение опричнины и ряда других мероприятий Грозного, оно служило интересам его политики, вытесняя из церковного обихода прочно утвердившиеся местные особенности, переходящие из поколения в поколение, нивелировало их. И феодалы, чтобы уничтожить книгопечатание, «божие дело, — говорит Федоров, — вконець погубити», объявили его исправления ересью. Несомненно, в планы их входило и уничтожение типографии; именно так надо понимать слова Федорова «божие дело вконець погубити».

Об этом рассказывает сам Иван Федоров в «Повести» — послесловии своего львовского Апостола. Он говорит о «презельном озлоблении» против него и Петра Мстиславца «от многих начальник и священноначалник и учитель, которые на нас зависти ради многия ереси умышляли, хотячи

---

[61] Новое известие о России времен Ивана Грозного. Сказание Альбрехта Шлихтинга. Под ред. А. И. Малеина. Л., 1934, стр. 17—18 (привожу по книге: П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 16).

[62] П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 29.

[63] Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного Записки немца-опричника Перевод и вступительная статья И. И. Полосина. Изд. М. и С. Сабашниковых, М, 1925, стр. 113.

[64] «В Москве в XVI в. был даже особый книжный ряд», — говорит С. В. Бахрушин (С. В. Бахрушин. Научные труды, т. I, стр. 34, со ссылкой: ЦГАДА, Собр. Мазурина, № 273, № 194).